

Подписная цѣна съ
пересылкой

	Въ Томскѣ.	Въ др. города.	Загра- ницу.
на 12 м.	4 —	5 —	9 —
« 6 «	2 30	4 —	7 —
« 3 «	1 30	2 —	5 —
« 1 «	— 40	— 50	—

Подписки и объявленія (по таксѣ)
принимаются въ книжныхъ магази-
нахъ П. Н. Макушина въ Томскѣ и
Иркутскѣ. Иногородныя требованія
адресуютъ въ редакцію.

За п е м ѣ н у адреса иногороднаго
з иногородній взимается 35 коп.
при переходѣ городскихъ подписчи-
ковъ въ иногородные доплачивается
разниц подписной цѣны по сроку
подписки.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Контора редакціи «Сибирской
Жизни» при магазинѣ П. Н. Ма-
кушина открыта для справокъ и
объясненій по дѣламъ газеты же-
лизна (кроме воскресныхъ и празд-
ничныхъ дней) съ 9 до 12 часовъ
утра и 6 до 8 ч. веч. Телефонъ № 8

Присланные въ редакцію статьи
и сообщенія должны быть подпи-
саны фамиліей ихъ автора съ об-
значеніемъ его адреса. Рукописи
въ случаѣ надобности, подлежатъ
измѣненіямъ и сокращеніямъ. — Раз-
мѣръ гонорара опредѣляется по
взаимному соглашенію редакціи съ
авторомъ. Рукописи, доставленные
безъ обозначенія условій вознаграж-
денія, считаются бесплатными

Статьи, признанныя неудобными
храниться въ редакціи три мѣсяца
и затѣмъ могутъ быть подвергнуты
уничтоженію, матеріалъ изъ нихъ
уничтожается немедленно

Журнальное Обзорѣіе.

(«Жизнь», кн. 1 и 2; «Русское Богатство», № 3).

«Въ оврагѣ», повѣсть А. П. Чехова. — «Любимыи каторги», рассказъ Л. Мельникова. — «Памятный день», набросокъ М. К. Николаевой.

Хотя первая четверть текущаго года уже миновала, но подводить итоги ея литературному насладѣію пока преждевременно. Наибольше крупныя произведенія не только не закончены, но даже не успѣли еще достаточно опредѣлиться. Поэтому, на первый разъ, мы побесѣдуемъ—о нѣкоторыхъ небольших, но выдающихся повѣстяхъ и рассказахъ.

На видномъ мѣстѣ, прежде всего, слѣдуетъ поставить повѣсть А. П. Чехова «Въ оврагѣ» («Жизнь», № 1). Повѣсть эта нѣсколько аналогична другой повѣсти того-же автора—«Мужики». Но есть и разниа. Тамъ нарисована картина, характеризующая примитивный складъ отношеній разрушающагося натурального хозяйства, а въ новой повѣсти выводится на сцену герои первоначальнаго накопленія, пионеры капитализма.

Сюжетъ повѣсти, въ краткихъ чертахъ, таковъ. Въ фабричномъ селѣ Уклеевѣ, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ его, живетъ мѣщанинъ Григорій Петровичъ Цыбукинъ, кулакъ и ростовщикъ.

Семья его состоитъ изъ жены Варвары, старшаго сына Степана, его жены Акинши, бабы хитрой и изворотливой, и младшаго сына Анисима. Первый сынъ чрезвычайно «скорбенъ главою», попросту—глупъ, а второй,—по словамъ отца, «пошелъ по ученой части» и служитъ гдѣ-то въ сычужкахъ. Позднѣе его женятъ на симпатичной, безотвѣтной дѣвушкѣ Липѣ, взятой изъ бѣдной рабочей семьи.

Описаніе свадьбы Анисима—одно изъ значительныхъ мѣстъ повѣсти, гдѣ обрисовываются характеры всѣхъ дѣйствующихъ въ ней лицъ. Старикъ Цыбукинъ старался блеснуть передъ свадебными гостями, Акиншиа кокетничала со своимъ любовникомъ, а законный супругъ ея—«сидѣлъ, положивъ ногу на ногу, и ѣлъ орѣхи и раскусывалъ ихъ такъ громко, что, казалось, стрѣляя изъ пистолета». На свадьбѣ-же обнаруживается, что

сычужки, помимо своей специальности, имѣетъ еще одно постороннее занятіе и съ умиленіемъ вспоминаетъ о какомъ-то своемъ другѣ Самородовѣ. Занятіе это оказывается поддѣлкой фальшивыхъ денегъ и вскорѣ-же послѣ свадьбы Анисимъ, вмѣстѣ съ другомъ Самородовымъ попадаетъ въ тюрьму, а затѣмъ и на каторгу.

Событіе это положило печать на все гнѣздо Цыбукиныхъ. Старикъ Цыбукинъ сдѣлался душевно больнымъ, а хозяйство его перешло въ руки Акинши, которая съ этого времени стала полной госпожей. Желая устранить всѣ помѣхи къ единовластію, она выжила изъ дома Липу, предвзвѣрительно звѣрски погубивъ ея ребенка. Последняя сцена производить положительно потрясающее впечатлѣніе. Подкладка дѣла была не сложна. «Кто-то» рассказалъ Акиншѣ, что старикъ ѣздитъ къ нотаріусу, чтобы писать завѣщаніе, и что Бутекино, то самое, на которомъ она жила кипичить, онъ завѣщалъ внуку Никифору (сыну Липы и Анисима). Объ этомъ ей сообщили утромъ, когда старикъ и Варвара сидѣли около крыльца подъ березой и пили чай. Она заперла лавку съ улича и со двора, собрала всѣ ключи, какіе у нея были, и вырвала ихъ къ ногамъ старика.

— Не стану я больше работать на васъ!.. Отдали каторжанкѣ Бутекино, отдайте ей теперь все, мнѣ отъ васъ ничего не надо! Провались вы! Всѣ вы тутъ одна пайка! Наглядѣлась я, будетъ съ меня! Грабили и прохаживъ, и проѣзжихъ, разбойники, грабили стараго и малаго! А кто водку продавалъ безъ патента? А фальшивыя деньги? Понабили себѣ сундуки фальшивыми деньгами—и теперь уже я не нужна стала!...

Акиншиа въбѣжала въ кухню, гдѣ въ это время была стирка. Стирала одна Липа, а кухарка пошла на рѣку полоскать бѣлье. Отъ корыта и отъ котла около плиты шелъ паръ, и въ кухнѣ было душно и тускло отъ тумана. На полу была еще куча нематаго бѣлья, и около него на скамьѣ, задирая свои красныя ножки, лежалъ Никифоръ, такъ что, если бы онъ упалъ, то не ушибся-бы. Какъ разъ, когда Акиншиа вошла, Липа вынула изъ кучи ея сорочку и положила въ корыто, и уже протянула руку къ большому ковлу съ кипяткомъ, который стоялъ на столѣ...

— Отдай сюда!—протворила Акиншиа, глядя

на нее съ ненавистью, и выхватила изъ корыта сорочку.—Не твое это дѣло мое бѣлье трогать! Ты арестантка и должна знать свое мѣсто, кто ты есть!

Липа глядѣла на нее, оторопѣвъ, и не понимала, но вдругъ уловила взглядъ, какой та бросила на ребенка, и вдругъ поняла, и вся помертвѣла...

— Взгля мою землю, такъ вотъ-же тебѣ! Скажи, Акиншиа схватила ковшъ съ кипяткомъ и плеснула на Никифора...

Послѣ этого послышался крикъ, какого еще никогда не слыхали въ Уклеевѣ, и не вѣрилось, что небольшое, слабое существо, какъ Липа, можетъ кричать такъ. И на дворѣ вдругъ стало тихо. Акиншиа прошла въ домъ, молча, со своей прежней павиной улыбкой... И пока не вернулась кухарка съ рѣки, никто не рѣшался войти въ кухню и взглянуть, что тамъ... Никифора свезли въ земскую больницу, и къ вечеру онъ умер...

Вотъ и все содержаніе повѣсти, которой въ сущности, болѣе приличествуетъ названіе драмы.

Ярче всѣхъ въ ней обрисована Акиншиа. Это человѣкъ—звѣрь. Ради низкихъ расцѣтовъ, личной наживы, она не задумалась разбить жизнь такого кроткаго существа, какъ Липа.

И она-же, въ концѣ концовъ, остается торжествующей, которой всѣ боятся, и даже начальникъ почтового отдѣленія, при входѣ ея, вскакиваетъ и говоритъ: «Покорѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна!»

Да, тяжелое впечатлѣніе остается послѣ прочтенія повѣсти «Въ оврагѣ», и право, съ чувствомъ особеннаго удовольствія знакомимся съ героями г. Мельникова въ его рассказѣ «Любимыи каторги» («Русск. Богатство», 1900 года мартъ).

Въ сущности,—это старые знакомые,—это представители того «міра отверженныхъ», съ которыми, года два тому назадъ, авторъ познакомилъ насъ въ своихъ замѣчательныхъ очеркахъ. Разсматриваемый рассказъ къ характеристикѣ этого міра—новаго почти ничего не прибавляетъ, но самъ по себѣ онъ весьма интересенъ.

Мы знакомимся въ немъ съ тѣми сторонами жизни несчастныхъ жертвъ судьбы, которыя невольно сближаютъ насъ съ ними.

Оказывается—«преступное сердце» по прежнему умѣетъ любить и ненавидѣть, оказывается, что пресловутая «злая воля», загнавъ людей на каторгу, не лишила ихъ извѣстной доли человѣческихъ чувствъ, тѣхъ чувствъ, которыхъ совершенно не знаютъ такіе люди—звѣри, какъ чеховская Акиншиа. А вѣдь они живутъ на волѣ и вполне благополучны. Даже болѣе того—они задаютъ тонъ жизни и—кто знаетъ—не они-ли именно гонятъ другихъ людей на каторгу, доводя ихъ до тѣхъ преступленій, за которыя современный судъ не даетъ пощады?

Изученіе общественныхъ отношеній въ той или иной сторонѣ—даетъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Въ нашей, напр., исторіи достаточно вспомнить эпоху крѣпостного права, чтобы понять, что часть людей гонятъ въ неволю не какое-то «преступное сердце» и не миоическая «злая воля», —а другіа, вполне опредѣленные причины.

Причины эти коренятся на почвѣ общественно-экономическихъ противорѣчій и въ разныя времена принимаютъ разныя формы.

Крѣпостное право въ нашей литературѣ изображено во многихъ замѣчательныхъ картинахъ крупнѣйшихъ художниковъ.

Новѣйшимъ отголоскомъ его является набросокъ изъ быліи М. К. Николаевой «Памятный день» («Жизнь», № 2).

Памятный день—это, конечно, 19-е февраля 1861 года. Авторъ старается передать настроенія лучшихъ людей того времени.

Прошлое всегда заволанивается розовой дымкой идеализаціи. Много ея и въ рассказѣ г-жи Николаевой. Но, во всякомъ случаѣ, авторъ описываетъ событія правдиво и о прошломъ, и о грядущемъ судитъ здраво. Вотъ, напр., что говорить онъ словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего рассказа:

«За этимъ днемъ праздника я вижу много черныхъ дней, много горя, слезъ, рабство новаго вида, голода. Земля будетъ истощаться въ концѣ, малѣйшее плохое, климатическое условіе—и неурожай принесетъ повальный голодъ. Еще въ тридцать третьемъ году, при Николаѣ I-мъ, Мордвиновъ говорилъ, что намъ нужно агрономическое образованіе... И ничего не сдѣлано. Нечего

сказать. Агрономы наши—бары! Своего панталыка не хватало учиться и работать—и вопіять: зазорены, самаго этого дня имъ не вырвать у народа, чтобы они ни дѣлали. Нѣтъ рабовъ, которыхъ продавали, меняли на собакъ. Рабъ создалъ, что онъ человѣкъ, и это сознаніе принесетъ плоды... Ну что ты, Ксенія, такъ приуныла? Вы молодежь, вамъ все надо безъ сучка и задоринки. Это я нагналъ на тебя уныніе. Намъ старикамъ, понукнуть головой въ минуту горечи не грѣшно, а молодому поколѣнію невозможно вѣшать голову. Вы—новобранцы, силы нетронутыя. Мы устали, хоть и зовутъ насъ грабсеньеры, вродѣ твоего дѣда, молодой Россіи.

Да вѣдь и я только на минуту повѣшу голову. Ксенія, вѣрь въ русскій народъ, не въ одного мужа: въ немъ черноземная сила—сила всевыносливая; вѣдь въ русскую мысль: изъ подъ каменныхъ плитъ пробилась она, и ея цѣпкіе корни раздѣляютъ плиты.

Вынесъ народъ нашъ и крѣпостное право, и Петрову реформу, и Бирюковщину, и 11-ый годъ. Вынесетъ и то зло, которое я предвижу вотъ здѣсь, въ этихъ строкахъ; эти цифры—роковыя, но зло не вѣчно, Ксенія,—добро сильнѣе. И изъ крѣпостныхъ выходили здоровыя силы. Ихъ больше явится теперь... поддерживать ихъ, направить. Это громадное дѣло, это дѣло вѣковъ. Каждое поколѣніе должно нести свою лѣпту»...

«Рабъ создалъ, что онъ человѣкъ, и это сознаніе принесетъ плоды»...

Да, конечно, это уже шагъ впередъ, но что если и это сознаніе не спасетъ «освобожденнаго» отъ новой формы рабства? Крѣпостное право—пало, но счастливы-ли «освобожденные»? «Последняя форма невольничества называется покупкою труда»—сказалъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ мыслителей и мы видимъ, что это зло не прошло мимо насъ.

Иллюстраціи для доказательства этого полжениа много, но мы будемъ говорить о нихъ когда нибудь послѣ.

Вас. Ан.—скій.